

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ)

ИЗОЛЯЦИЯ КАК РАЗРЫВ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ: ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ТРАНСГРЕССИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Бохня Б.

магистр педагогики, преподаватель кафедры исследования семьи Департамента
(института) образования Дольнощленской Высшей Школы (Польша)

перевод с польского: Lena Szczepaniak, преподаватель русского языка
Centrum Edukacyjne ATUT, координатор проектов Fundacja Avatar (Польша)

УДК 37.015.4
ББК 60.561.9

В статье вопросы трансформации реальности, трансгрессии социальных взаимоотношений рассматриваются в контексте влияния изменения общественных коммуникаций и оснований социального неравенства. Эти факторы, по мнению автора, обуславливают потребности изменения образовательного процесса, причем на всех уровнях социализации индивида.

Ключевые слова: социальные связи, социальное отчуждение, изоляция, трансгрессивная педагогика, эксклюзия, инклюзия.

Bochnia B.

ISOLATION AS BREAKING SOCIAL BONDS: CONSEQUENCES OF SOCIAL CHANGES AS A CHALLENGE FOR TRANSGRESSION PEDAGOGY

The article questions the reality of transformation, transgression of social relations in the context of the impact of the change of public communications and the basis of social inequality. These factors, in the author's opinion, cause needs changes in the educational process at all levels of the socialization of the individual.

Key words: social bonds, social dispossession, isolation, transgression pedagogy, exclusion, inclusion.

Двадцатая годовщина «Революции 1989 года» [26, с. 445] – это хорошее время для рефлексии над тем, чего удалось достичь в этот период. Перестройка была надеждой на лучшее будущее, освобождение и перемену, но такую перемену, которая бы стала шансом на лучшую жизнь. По своему существу, транс-

формация режима это уже перемена, но появляется вопрос – такой ли перемены мы ждали и не являемся ли мы наблюдателями «разрыва между тем, что есть, и между тем, чего бы нам хотелось – реальностями и мечтами, реальностью и стремлениями, бытом и обязанностями; (...) постоянной и вездесущней надежды

на лучшее будущее, на уменьшение той пропасти, все ближе до мира нуждающихся» [26], – пишет Штомпка П. Мира, о котором мы мечтали и который мы хотели создавать, и быть его участниками. Перед переворотом казалось, что наши мечты находятся на расстоянии вытянутой руки, что вполне возможно создание такой реальности социальной, научной, которая будет более дружественная и которая будет помогать развитию каждого человека.

Перемены произошли, несмотря на то что были те, кто таких перемен не ожидал, то и так казалось, так эти перемены совершенно натуральны и неизбежны. Однако, перемены не всегда таковы, каких ожидаем мы. Может быть потому, что мы еще не совсем созрели, чтобы описать образ мира, в котором мы хотим жить, который нам нужен. Было очевидно, что «старые порядки» общественной жизни должны были измениться, однако, направление, способ введения этих перемен и темп удивили многих. В результате противостояния между мечтой и реальностью образовался разрыв, последствия которой ощущаются в виде дискомфорта и дальнейшего желания двигаться в направлении баланса между ними. Отсюда вопрос – действительно ли эти реалия, в которых нам приходится жить, это те реалия, которых мы хотели? Действительно ли жизнь в новых реалиях, после двадцати лет реконструкции такая, которой мы ожидали, какие задания стоят теперь перед педагогикой и самими педагогами? Как помочь молодым людям, поколению, которое является нашим будущим, понять этот мир, который и для нас самих часто бывает малопонятным, как вместе существовать с двумя такими противоречивыми видениями мира, с тем старым, и тем новым, еще не открытым, формирующимся.

Трансгрессия уже началась, и мы являемся ее непосредственными создателями, участниками и наблюдателями. В зависимости от системы отсчета, в которой мы находимся, мы принимаем определенную точку зрения. Иногда мы хотим принимать в этом участие с полной верой в удачу и успех, иногда мы, хотим мы этого или нет, оказываемся в русле общественной жизни, становясь ее основными адресатами, а еще иногда встаем с боку, чтобы сохранить дистанцию и посмотреть объективно, что на самом деле меняется. Непосредственное участие и наблюдение необходимы, чтобы можно было восстановить свою реальность и понять тот мир, в котором мы живем. Эта последняя перспектива более близка мне в контексте затронутых в данном тексте проблем. Я понимаю, что поделившись с вами своими размышлениями на эту тему, не решу проблемы, но может быть приблизит нас до последствий, появляющимся благодаря общественным переменам, которые могут стать вызовом для педагогики и практикующих педагогов, работа-

ющих с детьми, молодежью, семьями и пожилыми людьми.

В связи с этим начну с просмотра теоретических позиций на тему перемен происходящих в доступе до социальных благ, затем обратимся к теориям эксклюзии (выключения) и инклюзии (включения), а так же к связям бедности с исключением и теории социальных связей. Все выше описанные мною проблемы я считаю ключевыми в повышении осведомленности и пониманию процесса перемен в определенном сегменте реальности. Отсутствие доступа до общественных благ имеет огромное значение в становлении процессов исключения и социальной интеграции. По этой причине, социальное отчуждение, по мнению многих экспертов, связано с бедностью. Однако сегодня уже можно найти в литературе мнения, которые связывают социальное отчуждение с нарушенным равновесием между понятиями «давать и брать». Перемены в социальных связях являются непосредственным следствием процесса трансформации. Осознание такого соотношения является необыкновенно важной для педагога, который хочет ответственно, конструктивно и творчески реализовать своих педагогических целей.

Потрясения переходного периода и изменения доступа к благам (таким как – богатство, власть, престиж, образование, здравоохранение), как исключаяющие и интегрирующие факторы общественной жизни.

Все те, кому сейчас как минимум тридцать, срок и более лет, были свидетелями, а может быть даже непосредственными участниками и наблюдателями событий 1989 года. Без сомнения, это время великих перемен, которые много значат как для истории, так и для индивидуума. Одни принимали те времена с огромным энтузиазмом, другие с большой дистанцией и беспокойством. «Новые времена» – это новые перспективы, новые возможности, но также и новые вызовы, и задания. Много исследователей социологии, философии, психологии и педагогики также задаются вопросом, как обозначить направление перемен, как заново строить общественную реальность так, что бы она оказалась для всех нас реальным исполнением наших желаний, тем, чего мы так хотели и ждали, а не чем-то, что будет для нас непонятным и враждебным? [26, с. 337] Переворот – это огромная социальная перемена, по сути, затрагивающая каждую сферу нашей жизни: политическую, хозяйственную, экономическую, культурную, сферу традиций, а так же профессиональную, семейную и образовательную. «Новое время» – это другая жизнь, жизнь по другим стандартам и общественным ожиданиям.

В эпоху перемен социальное исключение из жизненного пространства стало фактом. Поэтому так важен

и актуален теперь вопрос: «что сделать, чтобы помогать изолированным людям приспособиться к жизни в «ново-созданной реальности». Однако это не означает, что существует надежда, что социальной изоляции не будет. У каждой эпохи есть свои аутсайдеры, которые не соглашались с мировыми ценностями, нормами или правилами, но также ошибкой будет считать, (...) что на задворки общества попадают исключительно люди, которые этого заслужили (неудачники, маргинальные слои населения, отщепенцы) [25, с. 1] Каждодневная практика, общение с изолированными, проведенные интервью и разговоры показали грустную правду, что при сплетении несчастных обстоятельств, нехватке эффективных и системных решений, нехватки семейной поддержки, совсем не трудно стать изолированным от общества. В общественном сознании существует образ изолированного человека, которому ничего не хочется, он ленивый, не хочет работать и трудиться, чтобы изменить свою ситуацию. В очень поверхностной общественной оценке такой человек заслуживает называться социальным паразитом, другим, ненормальным [15], что является, конечно, очень несправедливостью, но распространенной. «Более нормальные» [15] защищают себя по-другому от разнородности, которая, хотя бы они этого или нет, наступит.

Эксперты в данной теме утверждают, что социальная система «создает» чужих путем отчуждения, а социальные связи появляются для того, чтобы создавать атмосферу доверия и сотрудничества. Эта работа является попыткой найти зависимость между социальным отчуждением и социальными связями и последствиями общественных перемен для педагогики. Трансформация стала поводом развития демократии, а вместе с ней капиталистической мысли, а тем самым разницу в доступе к: богатству, власти, престижу, образованию и здоровью. Доступ до этих благ настолько важен, по мнению социологов, насколько они влияют на качество жизни. Без сомнения, посттрансформационный период меняет возможность использования этих благ, а «это, в свою очередь, влияет на смену качества жизни» [14]. Доступ до этих благ отличает общественное удовлетворение, личные предрасположенности и позиция семьи.

Перемены в обществе всегда оказывают влияние на личность, на ее жизнь. Это означает, что многие люди, а особенно те, которые родились перед 1989 годом, должны были научиться жить в новом общественном порядке. Тем самым, появился шанс на воплощение мечты в реальность, жить в безопасной, полной возможностей стране. Политические изменения были необходимы, чтобы сделать возможной самостоятельную жизнь – жизнь, основанную на собственных выборах, самостоятельных решениях так, чтобы создавать свои собственные сценарии жизни.

Политические и социальные перемены несли изменения в доступе к этим благам. Сейчас уже «никто никому ничего не должен», сейчас «все зависит от каждого из нас». Необходимо продемонстрировать предприимчивость, инициативу и креативность, чтобы заработать материальные блага, власть, престиж, признание, социальное положение и образование. Доступ до этих благ дифференцирован и зависит от множества факторов; каждый может попробовать до них дотянуться, но не у каждого получится. По мнению М.Вебера, ограниченный доступ до благ влияет на дифференцированные жизненные шансы, а тем самым на разницу уровня жизни.

Поколение молодых поляков, которые родились после 1989 года,росло уже в новой реальности. Это поколение поляков, у которых есть осознание необходимости достижения успеха, чтобы не быть изолированными из общественной жизни, а «успеха добивается тот, кто увеличивает свои потребительские возможности» [25, с. 1], потому что модель потребительской жизни стала обязательной для всех. Реальность неблагоприятна к тем, кто скучает по ушедшим временам, поскольку правила общественного функционирования изменились вместе со сменой ценностей и норм. Потребление стало доминирующим критерием ценностей, ты стоишь столько, сколько ты можешь потратить [3]. Центр тяжести с «быть» переместился на «иметь». По мнению Э. Фромма [12], размещение центра тяжести только на одном варианте, то есть исключительно на модусе бытия является ловушкой. Современный человек попадает в нее потому, что в основном хочет иметь, забывая о том, что человеку так же необходимо «быть». И первый, и второй дополняют друг друга. Не может быть разговора о «бытии», если не удовлетворены основные жизненные потребности, а именно места проживания, дома, одежды, еды и тд., а также нельзя сосредоточиться только на накоплении этих благ, исключая самореализацию, развития, любви и др. Это черты присущие человеку. Равновесие между первым и вторым модусами обуславливает развитие человечества. Фромм считает, что «участвующая демократия» является тем, что поможет человеку обрести гармонию между достижением одного и второго модуса, а также личными желаниями и общественными ожиданиями.

В свою очередь, читая обоснование П. Штомки, мы узнаем, что «обладание материальными благами (богатством) является первоочередным, поскольку они необходимы для удовлетворения элементарных и универсальных жизненных требований – пропитания, одежды, безопасности и тп., то есть они обладают натуральной ценностью, а во-вторых, потому, что культура требует, чтобы человек обладал ими, определяя некоторые объекты как необходимые,

добавляет им культурное значение» [27, с. 333]. Человеку необходимо иметь блага, чтобы прожить, а также и для получения и удержания власти. Людям необходима власть как самоцель, то есть для удовлетворения силы, преимущества, влияния на других людей, мощности, значения, чувства безопасности и т.д. Власть так же имеет инструментальную ценность, отмечает П. Штомпка, ведь «ее невозможно поменять на другие блага, (...) а кроме этого, дает большие шансы доступа к таким редким материальным благам, так ценимым людьми – более высокие заработки, возможность манипуляции, лучшая информация, личные контакты, а так же возможность шантажа или коррупции» [27, с. 334]. Кажется, что современный мир определяется все-таки идеей необходимости иметь что-либо, потому что теряются пропорции между тем, что необходимо иметь, и тем, сколько иметь. Необходимость иметь столько, сколько необходимо для того, чтобы выжить, и необходимость иметь, продиктованная потребностью постоянного потребления, – два разных качества.

Э. Фромм пишет, что человек человеку волк, потому что «жадность и спокойствие – вещи взаимоисключаемые» [12, с. 42]. Автор идет дальше в своих рассуждениях, поскольку обращает внимание на то, что развитие индустриализации порождает непрекращающееся искушение все большего желания иметь, все большую необходимость удобства и удовольствия, а «идея неограниченного удовольствия состоит в личном противоречии с идеалом дисциплинированной работы, в противоречии, припоминающем то, которое появляется между принятием обсессивной этики работы и идеалом свободной лени, длящегося оставшуюся часть дня и во время отпуска. Бесконечная монтажная лента и бюрократическая рутина, с одной стороны, и телевиденье, автомобиль и секс, с другой стороны, делают возможными такую систему противоречий. Эксклюзивная работа, как и абсолютная лень, довели людей до сумасшествия. В рамках их систем мы можем жить. Кроме того, оба представленных настроения соответствуют экономической необходимости – капитализм двадцатого века базируется как на максимальном потреблении товаров и услуг, так и на рутинной работе в коллективе» [12, с. 40-41]. По мнению процитированного ранее ученого, человек потерялся между жадностью и покоем, между необходимостью и излишеством, между удовольствием и усилием, а также между работой и бездельем. Социальные ожидания велики, никто не хочет остаться вне игры, потому стараются справиться с ними, одновременно попадая в ловушку отсутствия равновесия.

Богатство и власть – это престиж, а престиж дает уважение, общественное признание, принятие и славу, которые так служат укреплению власти и обществен-

ной позиции. Согласно концепции «собственного отражения», люди вырабатывают мнение о себе на основе того, насколько другие могут их ценить. Повышение самооценки является так же самоцелью. Каждый любит, чтобы его хвалили, ценили и восхищались им. А потому необходимость иметь, власть и престиж, которые определяют принадлежность к определенной группе, определенную позицию и социальный статус, являются нужными благами. В зависимости от степени доступа к описанным благам, жизнь можно определить в категориях успеха или поражения. «Сходство собственности, то есть, как бы сказал М. Вебер, то же самое «положение на рынке», выражается в похожих интересах (...). Сходство потребительских возможностей – в похожем стиле жизни. А сходство, как мы помним из теории «механической солидарности» Дюргейма, это сильный группирующий фактор» [27, с. 339]. Таким образом, создаются определенные социальные связи, взаимодействия, длительные или менее длительные общественные отношения, объединяющие и разделяющие людей [24].

Очередными благами являются образование и здоровье. Ценность образования также является результатом двойных ценностей: самоцели, которая основывается на достижении сатисфакции от удовлетворения когнитивного любопытства, а также инструментальной ценности, помогающей получить ранее описанные ценности. Кроме того, «образование в (...) современном обществе является одним из самых важных и признанных социальных механизмов имущественного аванса: получения лучшей работы, лучших заработков, более высокого жизненного стандарта» [27, с. 335]. О здоровье мы также можем сказать в категориях самоцели, что подразумевает физическое здоровье и хорошее самочувствие. Чаще всего, отсутствие здоровья, болезнь или физическая несостоятельность делает невозможным или уменьшает возможность доступа до описанных выше благ. Можно было бы сказать, что здоровье является основой получения всех остальных благ.

Ссылаясь только на социологические исследования, можно заметить уровень эксклюзивности и инклюзии, то есть определения процедур и критериев включения и выключения новых членов групп. Идея «всем поровну» сменилась идеей меритократии, то есть «у тебя есть столько, сколько ты зарабатываешь». Идея меритократии оперируется на предположении, что за усилие, талант, труд, вложенный в достижение успеха, ждет награда, которой может стать определенная социальная позиция. В современном обществе возникают анклавы бедности, нищеты, которые остаются исключительно с преимуществ цивилизации и потребления. Развитие капиталистической экономики и рост частной собственности привели к переменам

также в межличностных отношениях, поскольку одни профессиональные, социальные группы получили больший престиж и возможность заработать, а другие потеряли свои имущественные позиции, престиж и власть.

Теория социальной аномии может быть объяснением появившихся перемен. По мнению Е. Дюркгейма и Р.К. Мертон, она означает «состояния, появившиеся вследствие распада или исчезновения норм. Можно её отнести как к обществу, так и к индивидуумам» [25, с. 1]. Р.К. Мертон дальше развил теорию, поскольку сосредоточился на культурно определенных целях и способах их достижения. В капиталистических обществах целью становится достижение богатства, власти и престижа, а успех приходит к тому, кто увеличивает свои потребительские возможности – дальше пишет цитированный уже автор М.И. Сохацкий. «Давление на реализацию этих целей при одновременном отсутствии доступа до правомочных средств их достижения может привести до социально неприемлемого поведения, а как следствие – к социальной изоляции» [26, с.2]. Социальные перемены породили возможность лучшего доступа до благ, но не для всех. Цель достижения успеха ставят перед собой многие люди, поскольку поддаются давлению общественного участия в соревнованиях. Стараются принимать участие в соревнованиях, но и так не у всех есть равные шансы на старте. Что на самом деле означает уменьшение доступа до благ, а тем самым лишение индивидуума полного участия в обществе [14].

Интеграция: иллюзия или мечта?

Трансформация несет за собой так далеко идущие перемены в общественной жизни, что умение приспосабливаться к новой социальной реальности – нелегкий вызов. Те, кто «успевают за переменами» увеличивают свои шансы на успех и удачу, тем самым уменьшают риск исключения себя из определенных сфер общественной жизни. Они в полной мере могут пользоваться разными возможностями доступа до образования, здоровья, власти, престижа и тп. Таким образом, выигрывают еще одну ценность, которой является чувство интегрированного общества. Ограниченные возможности полного участия в доступе до социальных благ приводит к изоляции и маргинализации тех социальных групп, которые не в состоянии участвовать в соревнованиях с «лучшими» конкурентами. Они остаются позади и без помощи семьи и системных форм поддержки не в состоянии снова войти, втянуться и принимать активное участие в общественной жизни. Даже если стараются из состояния изоляции, то становятся единичными примерами отчаяния и тяжелой работы, борьбы с самим собой, с системой, на которую не могут повлиять, и часто становятся ее жертвами. Я имею ввиду, например,

увеличивающийся показатель безработицы, углубляющегося экономического кризиса и другие перемены, являющиеся следствием социально-политическо-экономической трансформации, которые болезненно чувствуют все члены общества. Для изолированных это очередные трудности, очередное отсутствие шансов и возможностей социальной интеграции.

Люди рождаются в общине, что означает, что они не приходят без другого человека, «они абсолютно несамостоятельны и их быть (удовлетворение основных потребностей) в период детства зависит, прежде всего, от группы, которая называется семья» [21, с. 318]. Первой общиной является семья, но с возрастом появляется круг людей и групп, к которым мы хотим принадлежать, и он расширяется – новая семья, друзья, профессиональные группы, знакомые и другие. Принадлежность к группе дает человеку силу и чувство, что он не один. Благодаря группе, у человека есть также возможность реализации основных потребностей, таких как чувство безопасности, принадлежности и любви. С рождения мы нуждаемся в принадлежности к группе потому, что нам необходима опека, сохранения здоровья, а так же физического, психологического и социального здоровья. Без доступа до определенных благ уменьшаются наши шансы на то, чтобы прожить жизнь достойно.

Первая группа, к которой принадлежит человек – это семья. Семья является «инкубатором», в котором вырастает социальная единица, более или менее подготовленная к общественной жизни. Прежде всего, на семье лежит ответственность за самую лучшую подготовку молодого человека к самостоятельной жизни, которая впоследствии переходит на школу и другие образовательно-воспитательные учреждения. С возрастом возможности принадлежать к другим группам увеличиваются и разрастаются на группы ровесников, профессиональные группы, группы по интересам и тп. По сути, необходимость принадлежать к группе с самого начала и в течение всей жизни является фактом.

То, к какой группе мы будем принадлежать, зависит от множества факторов: позиции в обществе, стратификации, воспитания, социального и культурного капитала, собственных амбиций, мечт, собственного определения понятия «успех» и т.д. Однозначно возможностей выбора на данный момент много, однако не всегда выбор связан с уверенностью в принадлежности к выбранной нами группе. Воспользуюсь примером, чтобы объяснить свою мысль. Например, воспитанники детского дома мечтают о развитии их интересов, например, в сфере фотографии или информатики. Их амбиции подпитываются воспитателями и учителями из школы. У детей есть потенциал, а развитие их интересов часто в их случае так же

имеет терапевтическую ценность. В реальности оказывается, что их возможности ограничены, поскольку нет средств для покупки оборудования, на котором могли бы они тренироваться и развивать свои интересы. В таком случае полный доступ до благ становится иллюзией. У этих детей есть такие же потребности, как у всех остальных, однако не эти потребности не будут полностью удовлетворены. И не из-за нехватки доброй воли воспитателей или опекунов, а потому, что социальные деления, например, на: бедных и богатых, лучших и худших, затрудняют или совершенно блокируют усилия присоединения к основному течению общественной жизни. Конечно, возможности есть, только появляется вопрос: какие и для кого? Такова социальная реальность. В таких условиях инклюзия становится мечтой, дорогой, которой может пойти каждый из нас, однако не каждый достигнет своей цели. Сами усилия в достижении – уже ценность, однако, неизбежны разочарования, дилеммы, связанные с создаваемой обществом иллюзией успеха, как ценности, которая находится на расстоянии вытянутой руки для каждого.

В мои задачи не входит отговаривать всех тех, кто прикладывает усилия и старания, чтобы участвовать в процессах социальной интеграции. Скорее наоборот, я намерена склонять людей к тому, чтобы принимали участия в общественных инициативах, которые носят интеграционный характер. Однако я осознаю, что трансформация несет за собой риск иллюзии и утопии полной социальной интеграции. В общественный порядок, обозначенный рыночной экономикой, вписаны процессы исключения. Исключение является побочным эффектом возникающих перемен. В то время как инклюзия их уменьшает и нивелирует.

Эксклюзия и инклюзия не могут быть выделены как отдельные состояния, поскольку зависят друг от друга и являются взаимно определяющими. Оба этих процесса являются последствием социальных перемен, которые могут стать вызовом для трансгрессивной педагогики, то есть такой педагогики, которая способна выйти за традиционные способы мышления о воспитании. Трансгрессивная педагогика, формулируя свои цели воспитания, может быть «золотой серединой» в новой трансформированной социальной реальности.

Инклюзивность группы заключается во введении новых участников, а тем самым, в удовлетворении индивидуальной потребности в принадлежности. Эксклюзивность – это механизм исключения и отбрасывания членов группы. Оба этих явления выступают в общественной жизни и контролируют ее динамику с целью достижения равновесия. Знатоки этой темы говорят, нет инклюзии без эксклюзии и наоборот. Для педагога это очень ценные знания при подготовке

молодого поколения к такой дифференцированной общественной жизни, в которой функционирует каждый из нас.

Зависимость между бедностью и социальным исключением.

Трансформация нарушила определенный существующий порядок, а потому оба понятия – бедности и социальное исключение – приобрели важнейшее значение. Развитие капитализма, свободного рынка, индустриализации вызвало социальное расслоение и деление на бедных и богатых. Исключение было непосредственно связано с бедностью. В социологии мы найдем описания зависимости между одним и другим явлением. Однако появились новые перспективы и взгляды на исключение. Основывается он на том, что не всегда исключение непосредственно связано с бедностью. Д. Лепянка, ссылаясь в своем тексте на Сарацино, пишет: «(...) в европейском политическом дискурсе, а так же в научном, социальное исключение часто обозначает бедность и/или многомерную депривацию (...). Источники этих трудностей можно искать в «двойной генеалогии». Концепция исключения – бедность и материальная депривация с одной стороны, а с другой, социальная дезинтеграция, отсутствие принадлежности и маргинальности» [19, с. 5]. Верно ухваченные связи и расхождения между концепцией бедности и концепцией исключения расширяют перспективу и дают возможность углубленного понимания процессов. Из предметной литературы мы узнаем, что они могут быть зависимы друг от друга и взаимно обуславливаются, но это не само собой разумеется. Это значит, что также как и явление бедности может выступать без исключения, так и явление исключения без бедности. Чтобы подтвердить этот тезис, сошлюсь в очередной раз, на слова Д. Лепянки, которая пишет, что «нужно также помнить, что ни материальная бедность, которое наблюдается в обществе, необязательно связана с исключением, ни исключение необязательно связано с опытом бедности. Возможно, быть исключенным и не быть бедным, также как можно быть убогим и не быть исключенным» [19, с. 5]. Кажется, что самое важное – знание темы, того, из какого пространства появляется исключение. Если исключение выступает вне экономического пространства, то необязательно будет связано с бедностью.

Таким образом, появляется следующая тенденция среди ученых и знатоков темы – отделения обеих концепций (исключения и бедности) как необязательно зависимых друг от друга, что, в свою очередь, имеет огромную когнитивную ценность, поскольку получается, что социальная система имеет силу исключения не только из-за отсутствия доступа до материального минимума, необходимого для выживания, но и благодаря другим факторам.

Синонимами исключения являются: исключение, искоренение, изъятие, отступление, уклонение, и т.д., что указывает на многозначность понятия, а тем самым, на огромную трудность в определении этого понятия. Д. Лепянка пишет: «концепция (исключения), – замечает Силвер, – хотя часто идентифицируется с новой бедностью и неравенством, дискриминацией, undeclass – выражается также в таких понятиях, как избыточность, несоответствие, маргинальность, чуждость, отсутствие связей, депривация» [19, с. 4]. Такое рассмотрение проблемы указывает на нематериальные факторы исключения.

Связь исключения с нематериальными факторами позволяет заметить, что исключать из общественной жизни можно также через разрыв социальных связей, изоляцию, (...) дискриминацию или депривацию потребностей. Исключение будет, в общем, отсутствием чего-либо. Может это быть отсутствие социальных умений, отсутствие находчивости, отсутствие компетенций приспособления к новой реальности, а также отсутствие принятия среды, возможности принятия решений, прав и обязанностей, сознательности, доступа к информации и т.д. Отсутствие остальных факторов или недоборы исключают из удовлетворяющей общественной жизни. Если человеку не хватает умения успешно справляться с новыми реалиями жизни, он не сможет участвовать в ней как человек, у которого не будет такой нехватки. А потому будет исключен из определенных жизненных событий. А вот человек находчивый, креативный, предприимчивый и стрессоустойчивый, а также умеющий справляться с трудными жизненными ситуациями, не будет бояться участия в «мышинной возне» и беспардонным стремлении вперед с целью достижения успеха. Для такого человека идея меритократии будет правильным направлением по дороге к успеху. Такая личность откроет для себя очередные шансы и возможности. А тому, кому не хватает находчивости, не представятся такие шансы. Не смотря на то, что это кажется таким понятным, однако часто фактор «нехватки чего-то» в смысле нематериальным не учитывается в современных целях воспитания молодых родителей, опекунов и воспитателей. Идея нехватки может быть очередным заданием для трансгрессивной педагогики, поскольку такая нехватка, например, интегрирующих социальных связей, также является следствием трансформации.

Другими словами, факторами исключяющими могут быть также нематериальные факторы. Потому особенно подвержены исключению в существующем социальном мире люди одинокие, больные, подверженные насилию и моббингу, зависимые, пожилые, инвалиды, жители деревень, жертвы патологии и преследований, а также дети. Уменьшенный доступ к благам приведет к тому, что социальная система «соз-

даст» категории «другого», «чужого», «дивного» [15], а также забракованного, неумещающегося в меритократические рамки социального успеха и «натуральным» способом «выбрасывающегося за борт». Появляется проблема, которая возможно известна и описана в культурах с более старшей традицией демократии и капитализма, но и для новая, появившаяся только после распада коммунизма. Суть проблемы связана с отсутствием умения приспосабливаться к новой социальной реальности, которая может привести к ряду последствий, например, социальных, финансовых, культурных, традиционных, воспитательных и личностных. Такая ситуация порождает огромный страх, стресс, деградацию, чувство потери шансов и хаоса, распад отношений и удовлетворения.

Само понятие «исключение» первые использовали социологи в значении углубления разниц «между психическими и физическими нарушениями, пожилыми, больными, зависимыми, разведенными, самоубийцами или выходящими из патологических семей» [19]. А впоследствии это понятие охватило другие формы отклонений, например, связанные с безработицей и бедностью. Только позже исключение начали ассоциировать также с нематериальными факторами, такими как: моббинг, жертвы преследований и патологии, овдовения, развода и тп. Понятие исключения очень сильно связано было с эскалацией ксенофобии, то есть со страхом и бездеятельностью, а иногда и ненавистью к иммигрантам, ищущим работу. Их воспринимали как других, «извне» [12]. «С восьмидесятых годов понятие эксклюзии относится также к нематериальным аспектам описанных явлений». В 1993 году М. Ксиберрас определил исключение как «результат постепенного исчезновения социальных и символических связей, которые обычно связывают личность с обществом» [19, с. 6] Таким образом, в начальной стадии исключение непосредственно было связано с понятием бедности, а со временем эволюционировало и объединилось с категорией принятия окружающей среды, отсутствием прав, отсутствием осознанности, отсутствием доступа к информации, отсутствием шансов, возможностей, умения успешно справляться с трудностями, а также доступа к системе образования, здравоохранения, работы, культурных благ и т.д. (о чем еще мы еще раньше писали). «В Польше дискурс на тему социальной изоляции в ее европейской форме на самом деле еще не начался. (...) Понятие социальной изоляции (исключения) все еще остается чужим в публичной дискуссии, которая, несмотря на то что касается вопросов бедности, безработицы и/или маргинализации, пропускает основные элементы европейских дискуссий – вопрос прав и проблем социальных связей и интеграции» [19, с.7]. В этом понимании исключение связано также с разванными социальными связями, которые

как раз после трансформации строя стали фактом и явлением постсовременным. Общественная кондиция, пишет дальше Д. Лепянка, относительно так глубоких и социально сложных перемен связана с явлением «дезинтеграции, маргинализации, отсутствием принадлежности и искоренения, которые не всегда должны быть связаны с материальной депривацией» [19, с. 8]. Социальная изоляция обладает качествами социального нарушения, которое влияет на качество социальных связей и принадлежности. Инклюзия или эксклюзия – это бытие втянутого или исключенного из определенных социальных групп, ролей, привелегий, связанных с участием в этих группах, заданий и т.д., и не только по причинам материальным, но также и нематериальным.

Социальные связи и социальная изоляция.

Социальные связи являются соединяющим звеном в каждом обществе, в каждой группе, а их отсутствие приводит к отдалению, порождает дистанцию, тем самым, в результате появляется беспокойство, стресс, отсутствие чувства принадлежности к чему-либо, отчуждение, изоляция, снижение качества жизни, потеря шансов на полное участие в общественной активности и т.д. Человек – создание социальное и нуждается в общественных связях, то есть в такого рода социальных отношениях, которые основываются на взаимности, обмене всех благ между индивидуумом и обществом. «Общественные отношения, о которых мы говорим, можно точно описать как отношения взаимности и обмена. Поскольку социум построен на взаимности, основанной на отношениях «давания» и «брания», социальное исключение (изоляция) свидетельствует о невозможности «давания» и «брания» (Алкок, 1997 г.), что, в свою очередь, влияет на личность и социальный контекст, в котором она функционирует. Исключение означает распад «социальных связей», разрыв, который имеет намного большее значение, чем отсутствие материальных средств, и может быть только в малой степени связано с этим отсутствием [19, с. 11]. Исключение в таком понимании качественно отличается от прежнего понимания этого термина, хотя оба этих явления могут перекрываться и быть зависимыми друг от друга, но необязательно. Исключение, как и включение (введение), зависит от множества факторов, например от «интеллектуальной традиции, национального дискурса, доминирующей политической идеологии и/или принятой теоретической перспективы (выбор которой может быть определен культурной и научной традицией)» [19, с. 11]. А также от исторического контекста, в котором данное общество находится. Чтобы сохранить равновесие между «даванием и бранием» в обществе, которое находится под давлением индивидуализации, очень важным является принятие во внимание исто-

рического контекста. Много лет нас пытались приспособить к коллективной ментальности, сейчас – к индивидуальной, а потому процесс социальных изменений обязательно будет нарушен до момента его нормализации. Трансгрессивная педагогика и с этой проблемой должна бороться.

Рассматривать исключение как социальное явление очень важно, чтобы не пропустить того, что каждый из нас является в какой-то степени изолированным (исключенным), например, богатые изолированы от общества, поскольку живут в охраняемых жилых комплексах, а бедные отдаляются и становятся чужими, другими. Потому «изоляция может быть как добровольная, так и насильственная» [19, с. 11]. Кроме того, исключение (изоляция) также является отступлением от нормы, когда, например, поход раз в месяц в театр становится нормой для определенной социальной группы, а тот факт, что кто-то не следует этой норме, может привести к тому, что он будет изолирован от своей компании. Британский институт Center of Analysis of Social Exclusion, занимающийся вопросами изоляции, обратил внимание на то, что об исключении (изоляции) мы можем говорить тогда, когда индивидуум, несмотря на свое желание, не может участвовать в активной общественной жизни и не имеет доступ к благам, не принимает активного участия, не пользуется общедоступными благами по независящим от него причинам.

В научной литературе также выделяется две теории, касающиеся исключения, которые указывают на его уровень. Первая теория касается индивидуальных черт, предрасположенностей и схем поведения личности. Исключение становится эффектом определенного поведения самого человека. Люди не в состоянии так вести свою жизнь, чтобы не быть изолированными. На это может повлиять известное нам из социологии явление «наследования социальной позиции». Как пишет П. Штомпка, «достижение собственной социальной позиции всегда в полной мере связано с наследованием этой позиции» [27, с. 363]. Вторая теория основывается на том, что исключение является результатом черт окружающей среды, в которой находится конкретный человек. Исключение – это взаимодействие индивидуумов с их окружающей средой и непосредственно связано с «местом», символически обозначенным и «организованным» для исключения из всего пространства общественной жизни. Отсутствие амбиций, желания вырваться из того места, где человек живет, обрекает его на неудачу. В такой ситуации часто появляется порочный круг, поскольку трудно отличить причину от последствия. У каждой эпохи есть свои аутсайдеры, то есть люди, которые по разным причинам «не подходят» и оказываются вне основных событий общественной

жизни. Их не видно, живут где-то около нас незаметно, но они всегда рядом.

Заключение.

Веками существовала идея прогресса, начиная от великих мыслителей Греции и Рима: Платона, Сократа, Аристотеля, продолжаясь в средние века, в эпоху ренессанса и просветления, до триумфа прогресса в 19 веке, в котором наступает экспансия и развитие всех направлений науки. В общественных науках также наблюдается появление идеи прогресса. «Это был век оптимизма, веры в разум, науку, технику, производство, экономический рост, территориальную экспансию, размах цивилизации. Казалось, у прогресса нет никаких барьеров, потенциал человека, кажется, ничем не ограничен, будущее открыто и великолепно» [27, с. 445]. Такое будущее дает надежду и веру в лучшее завтра. Приводит к росту энтузиазма и к победе над страхом перед будущим, который очень часто появляется у современного человека в облики непрекращающихся и непредвиденных перемен. То есть если прогресс является гарантией развития и стремления в направлении чего-то лучшего, идеального, то стоит вкладывать силы и совершать революции и исторические, системные, культурные и социальные перевороты, чтобы и дальше развивать цивилизацию. Так, революция без сомнений была системной трансформацией в 1989 году. Произошла радикальная перемена, пришла победа прогресса. Сейчас, спустя двадцать лет, с перспективы времени можно оценить, какой это прогресс.

Системный перелом с исторической перспективы и перспективы достижений человечества является переменной, которая появилась в результате кризиса. Наступила эмансипация, освобождение от рабства в политическом смысле, открывая, таким образом, дорогу для деократии, свободного капиталистического рынка, а также либерализация общественной жизни. Системные перемены стали началом новой, желанной социальной реальности, но одновременно незнакомой и удивляющей. Раньше творцы общественной жизни пропагандировали лозунги: «молись и работай» или «стоишь или лежишь, зарплата и так твоя», а сегодня заменяют их лозунгами: «все зависит от тебя», «бери жизнь в свои руки» или «живи сегодняшним днем, чтобы прожить как можно больше и как можно быстрее». Прогресс переплетается с кризисом, и уже «Карл Маркс замечает, что окончательный, долгосрочный прогресс совершается, проходя через повторяющиеся кризисы и регрессы общества, напряженность, конфликты и отчуждение» [27, с. 455]. Описываемое социологами направление мышления называют дискурсом травмы, и для него должно быть характерно – внезапность перемен, охват разных сфер жизни, интенсивность этих перемен, а также непредсказуемость. Идеальным примером этих перемен

по макрошкале являются правильные смены государственного строя, так как революция в 1989 годы была внезапная, шокирующая и произошла очень быстро. Это была перемена широкого спектра действия и затронула разные сферы нашей жизни, а кроме того, эти перемены были очень глубокие и радикальные, поскольку коснулись правил, норм, ценностей и убеждений. Подверглись сомнению ценности, в которых общество было убеждено, началась пропаганда других ценностей. По мнению Петра Штомпки, состояние нарушения равновесия больше всего почувствовала культура, как «сосредоточение ценностей, норм, правил, примером, символов, смыслов, потому что она характеризуется самой большой инертностью, продолжительностью, стабильностью традиций или коллективной памяти, ритуалов, традиций и обычаев. Культура является доменом, где происходит кодирование продолжительности и самоидентификации общества. По индивидуальной шкале самым чувствительным является культурный рефлекс личности, ее индивидуальное поведение (сердечные рефлексии)» [27, с. 457]. Перемены неизбежны и были необходимы, однако оптимизация опыта может уберечь от травм. Радикальные нарушения одного порядка является его концом, и исправление всегда связано с пессимизмом и страхом, но оптимизм вселяет то, что конец одного порядка является началом другого. Минимализация страха, уменьшение травмы как раз и заключаются в том, чтобы это понять.

Без осознанности культурная травма нарушает чувство продолжительности чего-либо, культурной самоидентификации, стабильности, безопасности и процесс построения доверия и сотрудничества. На самом важном уровне травма проявляется в индивидуальных биографиях, поскольку история непосредственно влияет на индивидуальные биографии.

Трансформация иллюстрирует посткоммунистическую травму. Наступил распад коммунистической системы, и его принимали с огромной надеждой, но «он был также утверждением новой системы ценностей, норм, примеров, идеалов, противопоставляемых тем, которые были раньше. (...) Появляется хаос (...), дезорганизация» [27, с. 461], то, чего могли неосознанно испугаться люди, а тем самым заплатить большую цену за перемены, которые были неизбежны.

Для педагога осознание рождающегося явления исключения, связанного с разрывом социальных связей, то есть нарушением свободного обмена между «даванием» и «бранием», является возможностью и основами для помощи всем нуждающимся в преодолении эксклюзии, синдрома травмы, то есть отсутствия доверия, апатии, растущего чувства бессилия, ностальгии по ушедшим временам, напряжения. Кроме того, каждый человек нуждается в сохранении

социальных отношений, несмотря на то, какой нехваткой характеризуется. Потребность принадлежности к чему-либо очень сильна и обоснована потребностью иметь «здоровое» функционирующее общество. Ведь никто не хочет быть изолированным, исключенным, маргинализированным. Однако социологический анализ свидетельствует о том, что жизнь очень сложна, нестабильна, и каждый должен в одиночку справляться с трудностями. Такое состояние, без сомнения, – кризис, за который мы платим определенную цену. Согласно Е. Ериксону, кризис является позитивным элементом, который дает шансы на развитие, победу над ним и создание нового качества жизни. Поддержка и помощь в контексте кризиса как переходного состояния, а также преодоление трудностей, связанных с отсутствием доступа к определенным благам, может стать шансом, чтобы поправить качество жизни. Невозможно укрыться от реальности, ее можно только понять, придать ей новый смысл и следовать за новыми событиями так, чтобы не впасть в панику, не поддаться хаосу и дезорганизации.

Литература:

1. Balcerzak-Paradowska B., 2004, Rodzina i polityka rodzinna na przełomie wieków, przemiany, zagrożenia, potrzeba działań, Instytut Pracy i Spraw Socjalnych, Warszawa.
2. Bauman Z., (2001), Wspólnota. W poszukiwaniu bezpieczeństwa w niepewnym świecie., Wydawnictwo Literackie, Kraków.
3. Bauman Z., (2004), Życie na przemiał., Wydawnictwo Literackie, Kraków.
4. Bauman Z., (2008), Indywidualizowane społeczeństwo., Wyd. GWP, Gdańsk.
5. Bauman Z., 1995, Wolność, wyd. Kraków Społeczny Instytut Wydawniczy Znak; Warszawa Fundacja im. Stefana Batorego, Warszawa.
6. Beck U., 2002, Społeczeństwo ryzyka, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
7. Bem S., L., (2000), Męskość, kobiecość – o różnicach wynikających z płci. Wyd. GWP,
8. Bourdieu P., 2005, Dystynkcje – społeczna krytyka władz sądenia, wyd. Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
9. Domalewski J., Mikiewicz P., 2006, Potencjalna ruchliwość społeczna młodzieży w kontekście zmian w systemie edukacji, Acta Universitatis Nicolai Copernici – Socjologia wychowania XVI – Nauki Humanistyczno społeczne – zeszyt 378.
10. Elias N., 1980, Przemiany obyczajów w cywilizacji Zachodu, wyd. PIW, Warszawa.
11. Fromm E., 2003, Mieć i być, wyd. Dom Wydawniczy Rebis, Poznań.

12. Giddens A., 2001, Nowoczesność i tożsamość. «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
13. Giza-Poleszczuk A., 2005, Rodzina a system społeczny. Reprodukacja i kooperacja w perspektywie interdyscyplinarnej, wyd. WUW, Warszawa.
14. Goffman E., 2008 Piętno – rozważania o zranionej tożsamości, wyd. GWP, Gdańsk.
15. Habermas J., 2009, Uwzględniając Innego, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
16. Huntington S.P., 2009, Trzecia fala demokracji, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
17. Kwieciński Z., 2002, Wykluczenie – badania dynamiczne i porównawcze nad selekcjami społecznymi na pierwszym progu szkolnym, wyd. UJ, Toruń.
18. Lepianka D., 2002, Czym jest wykluczenie społeczne/Wprowadzenie do europejskich debat na temat ekskluzji?, art.[w:] Kultura i Społeczeństwo, rok XLVI, nr 4, s. 5-11.
19. Levi Strauss L., 1993, Spojrzenie z oddali, PIW, Warszawa.
20. Masłowski A., 2007, Motywacja i osobowość, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
21. Mikiewicz P., 2005, Społeczne światy szkół średnich – od trajektorii marginesu do trajektorii elit, wyd. DSW, Wrocław.
22. Mikiewicz P., 2006, Segmentacja społeczna jako wynik indywidualnych strategii edukacyjnych, Acta Universitatis Nicolai Copernici – Socjologia wychowania XVI – Nauki Humanistyczno społeczne – zeszyt 378.
23. Rasiński L. 2006 (red.), Język, dyskurs, społeczeństwo, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
24. Sochacki M.J., 2006, Mechanizmy i formy wykluczenia, art. [w:] Remedium nr 4(158)/IV, s. 1-2.
25. Szacki J., 2002, Historia myśli socjologicznej. Wydawnictwo Naukowe PWN Warszawa.
26. Sztompka P., 2004, Socjologia, wyd. Znak, Kraków.
27. Weber M., (2002), Gospodarka i społeczeństwo, zarys socjologii rozumiejącej., Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

References:

1. Balcerzak-Paradowska B., 2004, Rodzina i polityka rodzinna na przełomie wieków, przemiany, zagrożenia, potrzeba działań, Instytut Pracy i Spraw Socjalnych, Warszawa.
2. Bauman Z., (2001), Wspólnota. W poszukiwaniu bezpieczeństwa w niepewnym świecie., Wydawnictwo Literackie, Kraków.
3. Bauman Z., (2004), Życie na przemiał., Wydawnictwo Literackie, Kraków.

4. Bauman Z., (2008), *Zindywidualizowane społeczeństwo.*, Wyd. GWP, Gdańsk.
5. Bauman Z., 1995, *Wolność*, wyd. Kraków Społeczny Instytut Wydawniczy Znak; Warszawa Fundacja im. Stefana Batorego, Warszawa.
6. Beck U., 2002, *Społeczeństwo ryzyka*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
7. Bem S., L., (2000), *Męskość, kobiecość – o różnicach wynikających z płci*. Wyd. GWP,
8. Bourdieu P., 2005, *Dystynkcje – społeczna krytyka władz sądenia*, wyd. Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
9. Domalewski J., Mikiewicz P., 2006, *Potencjalna ruchliwość społeczna młodzieży w kontekście zmian w systemie edukacji*, Acta Universitatis Nicolai Copernici – Socjologia wychowania XVI – Nauki Humanistyczno społeczne – zeszyt 378-.
10. Elias N., 1980, *Przemiany obyczajów w cywilizacji Zachodu*, wyd. PIW, Warszawa.
11. Fromm E., 2003, *Mieć i być*, wyd. Dom Wydawniczy Rebis, Poznań.
12. Giddens A., 2001, *Nowoczesność i tożsamość. "Ja" i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
13. Giza-Poleszczuk A., 2005, *Rodzina a system społeczny. Reprodukacja i kooperacja w perspektywie interdyscyplinarnej*, wyd. WUW, Warszawa.
14. Goffman E., 2008 *Piętno – rozważania o zranionej tożsamości*, wyd. GWP, Gdańsk.
15. Habermas J., 2009, *Uwzględniając Innego*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
16. Huntington S.P., 2009, *Trzecia fala demokracji*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
17. Kwieciński Z., 2002, *Wykluczenie – badania dynamiczne i porównawcze nad selekcjami społecznymi na pierwszym progu szkolnym*, wyd. UJ, Toruń.
18. Lepianka D., 2002, *Czym jest wykluczenie społeczne/Wprowadzenie do europejskich debat na temat ekskluzji?*, art.[w:] *Kultura i Społeczeństwo*, rok XLVI, nr 4, s. 5-11.
19. Levi Strauss L., 1993, *Spojrzenie z oddali*, PIW, Warszawa.
20. Maslow A., 2007, *Motywacja i osobowość*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
21. Mikiewicz P., 2005, *Społeczne światy szkół średnich – od trajektorii marginesu do trajektorii elit*, wyd. DSW, Wrocław.
22. Mikiewicz P., 2006, *Segmentacja społeczna jako wynik indywidualnych strategii edukacyjnych*, Acta Universitatis Nicolai Copernici – Socjologia wychowania XVI – Nauki Humanistyczno społeczne – zeszyt 378.
23. Rasiński L. 2006 (red.), *Język, dyskurs, społeczeństwo*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.
24. Sochacki M.J., 2006, *Mechanizmy i formy wykluczenia*, art. [w:] *Remedium* nr 4(158)/IV, s. 1-2.
25. Szacki J., 2002, *Historia myśli socjologicznej*. Wydawnictwo Naukowe PWN Warszawa.
26. Sztompka P., 2004, *Socjologia*, wyd. Znak, Kraków.
27. Weber M., (2002), *Gospodarka i społeczeństwo, zarys socjologii rozumiejącej.*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.